

Гиганты Азии: 70-летие Бандунгской конференции Неуклюжее танго Слона и Дракона

Прошло 70 лет после Бандунгской конференции. Тогда Индия, Китай и Индонезия были молодыми развивающимися капитализмами, а Япония, присутствовавшая в качестве наблюдателя, – побеждённым империализмом. В результате неравномерного империалистического развития некоторые из вчерашних *неприсоединившихся* стран стали новыми азиатскими державами.

Суй Фэйхун, ранее посол в Афганистане и Румынии, теперь представляет Китай в Индии; он является делегатом Китайской народной политической консультативной конференции, “палаты лордов” мандаринского плюрализма. На страницах *Times of India* он пишет, что две ежегодные парламентские сессии – Национального собрания и Консультативной конференции – проливают свет на то, что происходит в Китае.

Посол выделяет три ключевых понятия:

Рост: Пекин проводит активную бюджетную и стимулирующую денежно-кредитную политику, чтобы сохранить темпы роста на уровне 5% – вдвое ниже, чем в период империалистического взлёта прошлых десятилетий. Для достижения этой цели дефицит бюджета доведён до 4% ВВП – один из самых высоких показателей со времён поворота Дэн Сяопина в 1978 году. Эта линия соответствует взглядам Ю Юндина, представителя китайского кейнсианства. Также планируется выпуск долгосрочных государственных облигаций для продолжения реструктуризации задолженности провинций.

Инновации: после неожиданного прорыва в сфере искусственного интеллекта, технология сверхбыстрой зарядки, представленная группой BYD, воспринимается как “момент DeerpSeeK” в автомобилестроении. Возможность зарядить аккумулятор за пять минут и получить запас хода в 400 километров практически выводит электромобили на один уровень с традиционными по удобству использования. Китай завершит 14-ю пятилетку (2021–2025) и план “Made in China 2025” под знаком масштабной промышленной реструктуризации.

Открытость: Пекин полностью снял ограничения на иностранные инвестиции в обрабатывающую промышленность и планирует возобновить одностороннюю либерализацию китайского рынка – в том числе как ответ на торговую войну с США. Это предложение адресовано широкому кругу государств в зависимости от уровня их индустриализации и концентрации капитала.

Для Индии речь идёт об экспорте товаров в Китай и получении взамен китайских инвестиций в промышленность и, возможно, инфраструктуру. Пекин сможет предложить более ёмкий рынок, стабильные цепочки поставок и «дивиденды развития». Два азиатских гиганта, заключает Суй, могли бы станцевать «танго Дракона и Слона».

“Make in India” с китайским капиталом

Эта формулировка перекликается с «танцем Дракона и Слона» – образу, который использовало Министерство иностранных дел Китая в ответ на недавние инициативы по сближению, исходившие от Нарендры Моди. По словам индийского премьера, Дели и Пекин стремятся вернуть отношения на уровень, предшествующий военному столкновению в Ладакхе в 2020 году. Потенциальным сигналом к этому мог бы стать отказ Индии от программы стимулов для развития внутреннего производства (Production Linked Incentive), которая, по сути, обернулась антикитайским протекционизмом. По выражению Си Цзиньпина, решающим фактором могли бы стать «совместные шаги Дракона и Слона».

Однако дипломатический балет едва ли способен скрыть соперничество двух азиатских империализмов. Раджа Мохан, патриарх индийского реализма, пишет во втором номере журнала *India's World*, что наследие британского правления (Раджа), включая идею индийской региональной сферы влияния, сегодня подвергается вызову со стороны Китая. Решающие удары по региональной роли Индии были нанесены не Лондоном, в результате распада старой Британской империи, а Японией во время второй великой империалистической войны. Азиатский поход Страны восходящего солнца потерпел поражение, но ускорил уход Великобритании с субконтинента, что привело к решению с тяжёлыми последствиями – разделу Индии и Пакистана. Потеряв часть территории и

влияния, накопленных за два столетия, Индия, при всех протестах, уже не могла помешать США, СССР и Китаю вмешиваться в дела региона.

Пекин бросает вызов наследию Раджа

С точки зрения Раджи Мохана, символично, что раздел Индии совпал по времени с объединением Китая под властью националистического режима КПК. Эти противоположные итоги империалистической войны заложили основы для принципиально разных исторических путей двух азиатских гигантов. Сегодня, чтобы претендовать на зрелую региональную роль, Индия должна, по меньшей мере, добиться примирения с Пакистаном и Бангладеш – иначе Пекин будет и дальше использовать в своих интересах болезненное наследие раздела субконтинента.

«Идеи регионального первенства Раджа сохраняются в стратегическом мышлении Индии, даже несмотря на изменившуюся обстановку и растущий разрыв между амбициями и ресурсами. Эпоха экономических реформ, начавшаяся в 1990-х годах, принесла некоторое оживление, поскольку ускорение роста позволило Индии претендовать на более значительную региональную роль. Однако восхождение Китая в XXI веке, напоминающее подъём Японии в 1930-х годах, делало региональные проблемы Индии всё более сложными».

Дхрува Джайшанкар – исполнительный директор ORF America, филиала Observer Research Foundation, связанного с группой Амбани и близкого к правительствам БДП, а также сын министра иностранных дел. В “Вишва Шастра” (“Трактат о мире”, 2024) он рассуждает о том, что восхождение Китая сегодня определяет почти все аспекты индийской внешней политики. Китайский фактор, конечно, не нов в индийской истории, но впервые он становится доминирующим.

Взлёт сдерживается сепаратизмом и закрытостью

Автор отмечает, что политика многовекторного присоединения всегда была частью индийской дипломатической традиции. Однако до отказа от экономического изоляционизма в 1991 году она оставалась скованной принципами *неприсоединения* времён холодной войны. Войны с Китаем и Пакистаном ещё больше ограничили возможности Индии, толкнув Дели в объятия Москвы. Индира Ганди могла бы рассмотреть возможность заключения сделки с Пекином, но её опередил Генри Киссинджер. Пока Дракон открывался для международного капитала, Нью-Дели оставался в ловушке: между внутренней угрозой сепаратизма и режимом чрезвычайного положения – в условиях замкнутой экономики. По словам магната Дж. Р. Д. Тата, это была упущенная возможность.

Единство индийского государства, подтачиваемое сепаратизмом, носит на себе глубокие шрамы от политических убийств – Индиры и Раджива Ганди, а также Махатмы Ганди. Отказ от курса неприсоединения после распада СССР произошёл в обстановке смятения. В 1991 году, на фоне кризиса платёжного баланса, вызванного скачком цен на нефть после интервенции США в Ирак, были начаты экономические реформы. Тогда же возобновились переговоры с Китаем по спорным границам – в 1992–1993, 1996, 2003–2005 и 2012–2013 годах. Тем временем *«геоэкономический кризис»* 2008 года выявил стратегический сдвиг: Запад находится в упадке, а Азия восходит.

За прошедшие тридцать лет Индия отказалась от относительного экономического изоляционизма и распространила свою региональную политику на спорные морские маршруты между Тихим и Индийским океанами. Понятие *Индо-Тихоокеанского региона*, изначально предложенное Японией, стало частью индийской стратегии как ключевой элемент регионального баланса. Одновременно укрепились связи с США, Европой и Японией, а риторика “третьего мира” была заменена риторикой развивающейся державы, ориентированной на так называемый “Глобальный Юг”.

Дхрува Джайшанкар утверждает: *«Несмотря на весь свой прогресс, Индия сталкивается со своим крупнейшим стратегическим вызовом в лице Китая. КНР – однопартийное государство, которое продолжает претендовать на обширные участки индийской территории, и чья экономика с 1980-х годов росла быстрее, чем индийская. Возвышение Китая первоначально открыло перед Индией экономические и институциональные возможности. Однако последние события на спорной границе, в регионе Индийского океана, в торгово-экономических вопросах и в международных институтах ясно показали, в какой*

степени политика Пекина является препятствием для восхождения Индии в отношении её внешнего окружения, её морской безопасности, её региональных устремлений и глобальных целей».

Кризис порядка и возможности

В таких обстоятельствах концепция многовекторного присоединения всё больше отступает перед необходимостью противостоять Китаю. Тактическое сближение Слона и Дракона остаётся возможным: стратегическое соперничество всё равно придётся контролировать, выигрывая время для укрепления военного и экономического потенциала Индии. Для этого Дели придётся просить о *взаимности* в вопросе о доступе на китайский рынок, а ради увеличения экспорта, вероятно, придётся согласиться впустить китайский капитал.

Хаппимон Джейкоб, бывший студент Мохана в делийском Университете имени Дж. Неру, является колумнистом *Hindustan Times*, ежедневной газеты, принадлежащей семье Бирла и базирующейся в Нью-Дели. В серии статей он рассматривает возможности, которые открывает *«глобальный политический кризис»*, открытый вторым президентством Трампа. Парадоксальным образом, частичный разрыв между США и Китаем может дать Индии больше свободы в проведении многовекторной внешней политики. И Дели, по его мнению, должен использовать эту передышку для укрепления связей с другими великими державами. *«Подобно тому, как конец Второй мировой войны сформировал нынешний международный порядок, трамповский разлом может проложить путь к новому мировому порядку, и Нью-Дели должен приветствовать такой исход. Ситуация даёт Индии шанс вступить в диалог с европейскими государствами [...]. Европа, униженная Америкой, как никогда готова прислушиваться к мнению неевропейских держав, таких как Индия».*

Дели должен смотреть на Европу и Японию, не забывая о России и сохраняя при этом связи с Вашингтоном: в условиях хрупкого равновесия речь идёт о том, чтобы поддерживать желание Америки использовать Индию в качестве прокси против Китая – при этом не становясь этим прокси и не усиливая конфронтацию с азиатским соперником.

Даже для Джейкоба отношения с Пекином остаются наиболее проблемными. Индия должна укреплять свои возможности, *«дожидаясь подходящего момента, надеясь, что Китай не будет предпринимать активных действий в это время, и полагаясь на торговлю, чтобы ослабить двустороннюю напряженность, а также искать партнеров для косвенного поддержания баланса».*

Из-за своего империалистического потенциала сочетание китайского капитала и демографической массы Индии вызовет тревогу у многих держав, если только Китай, Америка, Европа и Япония не начнут соперничать за возможность инвестировать в индийскую экономику и не преодолеют “узкие места”, которые до сих пор сдерживали открытость Индии: речь о новой игре колоссальных масштабов.

Что касается танца двух азиатских гигантов – если он вообще состоится, – то индийские комментаторы склонны видеть в нём лишь временное ослабление глобального кризиса порядка. Но, наблюдая за неуклюжими шагами партнёров, можно с уверенностью сказать: Слон и Дракон рано или поздно наступят друг другу на ноги.

Апрель 2025 г.